

18+

Лия Бредман

ТУМАННОЕ УТРО

Яна Бредман

**Туманное утро. Стоит ли все
потерять, чтобы обрести что-
то по-настоящему важное?**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71176987

ISBN 9785006466401

Аннотация

Стоит ли все потерять, чтобы обрести что-то по-настоящему важное? Эмма оставила свою привычную тихую жизнь в маленьком городке и отправилась в Санкт-Петербург, чтобы начать с чистого листа. Она хотела забыть прошлую жизнь и найти любовь, но у судьбы были другие планы.

Содержание

Яна Бредман	5
«Туманное утро»	6
Введение	7
Глава 1. «Без названия»	11
Глава 2. «Обретая смысл»	33
Глава 3. «Он. Она. Я»	43
Глава 4. «Друг или враг?»	52
Конец ознакомительного фрагмента.	62

**Туманное утро
Стоит ли все потерять,
чтобы обрести что-то
по-настоящему важное?**

Яна Бредман

Дизайнер обложки Яна Бредман

© Яна Бредман, 2024

© Яна Бредман, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0064-6640-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Яна Бредман

«Туманное утро»

*Когда будущее видится туманным,
призраки прошлого обретают наибольшую силу.*

Введение

Холодный пасмурный вечер. Ветер устало теребил ветви деревьев, рассыпая на безлюдных тротуарах крупные капли, свисающие после недавнего дождя. Я возвращалась домой после работы с заявлением об уходе и толстой красной папкой в руках, которая вмещала в себя труды пятилетней трудовой деятельности. Переступив порог опостылевшей пустой квартиры, я опустилась на пуф, сняла узкие давящие туфли и окинула взглядом все то, что некогда обещало приносить душевное тепло. Я набрала номер Виктора – человека, который вот уже десять лет обещал быть рядом, но каждый раз почему-то подводил.

– Ты приедешь к ужину? – тихо спросила я, не надеясь на положительный ответ.

– Нет, ужинай без меня. Буду позже, – послышался торопливый голос Виктора.

«Сегодня по-прежнему ничего нового»: подумала я и направилась в ванную комнату, смыть макияж, а вместе с ним и сам день.

Сделав большую чашку чая, я вышла на балкон. Зеленая, сочная листва мягко покачивалась в сыром темно-синем воздухе. Фары машин разрезали темноту, оставляя за собой широкие полосы тусклого света. Вот уже несколько лет чувство всепоглощающего одиночества каждый вечер приходит

в мой дом, словно непрощенный гость, словно беспокойная соседка, которая надоедает глупой болтовней. Сегодняшний день не был исключением. Наблюдая, как машины исчезают в покрове полутьмы, я думала о том, что моя жизнь, как и эти машины, пронесется мимо меня. На мгновение, во мне проснулась какая-то злость, хотелось сделать хоть что-нибудь, взять свою жизнь под контроль и изменить ее. Но секундное пробуждение исчезло вместе со светом фар, оставляя лишь тусклую полосу света, а вместе с ней смиренную грусть.

Виктор вернулся около десяти. Я сидела на диване, листая старый журнал, силясь казаться стойкой и не устраивать глупых сцен, какие обычно происходят между двумя людьми, которым больше не о чем говорить. Он тихо прошел по коридору и заглянул в комнату. Обнаружив меня в плохом расположении духа, он коснулся губами макушки и ушел на кухню. Я последовала за ним.

– Как день?

– Все хорошо, – безразлично произнес Виктор, усаживаясь за стол. Я присела напротив, наблюдая, как он принялся неторопливо есть остывший ужин.

– Может подогреть? – несколько рассеянно спросила я, опустив глаза и рассматривая свои руки.

– Что-то не так? – выдохнул он. Я удивленно покачала головой, будучи не в силах начинать войну, заведомо зная, что проиграю.

– Сегодня был последний рабочий день, – еле слышно произнесла я.

– Все прошло хорошо? Я кивнула и посмотрела в окно. Снова начал срываться дождь. Больше мы ни о чем не говорили.

Ночью, лежа в постели, я слушала мирное сопение Виктора и смотрела в потолок. «Можно ли чувствовать себя более одинокой?»: спрашивала я себя. За окном бушевала гроза, прогремел гром, блеснула молния, и на секунду все вокруг озарилось светом. Я боюсь грозы, хотя бы потому, что человек бессилен перед стихией – этим она одновременно страшна и прекрасна. Я же, как оказалось, была бессильна еще и перед своей жизнью. Виктор беспокойно ворочался во сне, а я поймала себя на мысли, что мне давно уже не хочется укрыться от грозы на его плече.

– Доброе утро, – произнесла я, выходя на кухню и щурясь от случайных лучей света, заглянувших в окно, когда шапки деревьев отклонились под дуновением легкого ветра. Я сделала себе кофе и присела напротив Виктора. Он что-то читал в телефоне и поднял на меня глаза лишь на минуту, когда я вошла. – Как спал? – продолжила я.

– Хорошо, – Виктор покачал головой и продолжил читать.

– Что-то интересное? – спросила я, кивая головой в сторону телефона. Виктор выдохнул и отложил его, направляя внимание на меня. Он выжидающе смотрел, а я не знала, как продолжить беседу, судорожно перебирая в голове темы для

разговора. – Продолжай, я не хотела тебя отвлекать, – виновато произнесла я и, взяв с собой кружку, отправилась в гостиную.

Нужно было придумать, чем теперь заниматься, но мысли были заняты совсем другим. Я все ждала, когда Виктор зайдет в комнату, чтобы попрощаться перед уходом на работу, но вместо этого услышала лишь щелчок дверного замка. Мне хотелось все прояснить, узнать причину саднящей пустоты, возникшей между нами, но вспомнив, как обычно заканчивались такие беседы, я отложила телефон. Так больше не могло продолжаться.

Глава 1. «Без названия»

Кажется, дорога до аэропорта тянулась целую вечность. Я стояла напротив высоких стеклянных дверей в полной растерянности, с надеждой внутри на большие перемены в жизни.

Когда самолет начал набирать высоту, я откинулась в кресле и тихо выдохнула, пытаюсь осознать произошедшее.

Рядом сидел мужчина, тучный и беспокойный, он все время вздыхал, что-то говорил себе под нос, переворачивая страницы газеты, и ненароком задевая меня локтем. Кто-то сделал ему замечание, но пытаюсь вести себя спокойнее, ему только больше становилось неудобно и он, ворочаясь и кряхтя в кресле, казалось, создавал еще больше шума.

– Боитесь летать? – спросила я, отвлекаясь от своих переживаний.

Удивленно и с облегчением он посмотрел на меня, складывая газету.

– Очень. Уже который раз лечу к дочке, но каждый полет для меня испытание. Мало места для моей туши, – он звонко рассмеялся и тут же затих, как будто ожидая моей реакции.

– Тоже боюсь, – я улыбнулась в ответ, – вот, возьмите. Это успокоительное, поможет расслабиться. Мужчина запрокинул голову и проглотил лекарство.

– По работе или отдохнуть? Я на секунду отвернулась в сто-

рону окна, пытаюсь найти правильный ответ.

– По работе, – ответила я, затем добавила, – я работала в рекламном агентстве, теперь хочу попытать счастье в городе побольше. Мужчина нахмурил брови и покачал головой:

– Все вы куда-то уезжаете, молодежь. Я ничего не ответила, только виновато улыбнулась и снова отвернулась к окну.

Как только я вышла из аэропорта, мокрый ветер подул мне в лицо. Все вокруг показалось серым и безжизненным, словно город скрылся под покровом тумана. Меня вдруг охватила паника, острое чувство сожаления и разочарования. Найдя укромное место, я закурила. Дым вздымался вверх и таял в воздухе, он был едким и горьким, отрезвляющим. «Ты же хотела взять жизнь в свои руки, пожалуйста. Никто не говорил, что будет легко»: подумала я и улыбнулась, точно одна часть меня насмеялась над другой. Через некоторое время я уже ехала в такси по адресу, который выслала Марта в сообщении. Мы дружили с детства, и, признаться честно, не уверена, что решилась бы на этот шаг, если бы не ее поддержка и заверения, что все будет хорошо. Из нас двоих Марта была неисправимым оптимистом и человеком железной силы духа. Я всегда смотрела на нее с восхищением, но никогда не пыталась подражать. То, чего ей стоили некоторые решения, было гораздо больше, чем я смогла бы заплатить.

Мы довольно долго стояли в пробке, и мои рассуждения прервало надоедливое урчание желудка.

– Здесь где-нибудь по близости есть место, где можно пе-

рекусить? – я посмотрела на водителя. Ему было около пятидесяти лет на вид, сквозь черные смоляные волосы уже проглядывали белые пряди. Он периодически потирал усы, немного пожелтевшие от сигарет.

– Да, там за светофором можно повернуть налево и почти сразу будет кофейня. Я там пью по утрам кофе, – он посмотрел на меня, и я заметила грустный блеск в его глазах.

– Там и остановимся, – ответила я, – вдруг оказалось, что я очень голодна.

– Как скажете, – мужчина выдохнул, будто собираясь с мыслями, и бросил на меня короткий взгляд. – Можно вопрос? Я кивнула.

– Почему женщины уходят?

Озадаченная неожиданным и довольно неловким вопросом, я задумалась, почему ушла я. Правильные слова не сразу пришли мне в голову:

– Может, находят кого-то другого? Я точно знала, что это не единственная причина и тут же пожалела, что так ответила. Водитель посмотрел на меня с горечью и раздражением.

– Нет, она точно не поэтому ушла. Все было как обычно. Утром я ушел на работу, а вечером, вернувшись домой, обнаружил, что вещи мои выставлены, а ключ не подходит к замку. Я звонил и звонил, ночевал под дверью, но она так и не вышла.

Я понимающе пожала плечами, как бы говоря, что все наладится. Чем я могла помочь? По сути, я сама так поступи-

ла с человеком, с которым провела десять лет своей жизни. Пускаться в объяснения мне крайне не хотелось, хотя бы потому, что у меня их не было в той мере, в которой они устроили бы моего собеседника. Мы остановились напротив кафе. Расплатившись, я пожелала удачи и вышла из машины.

Внутри было тепло, пахло корицей, ванилью и кофе. Я заняла угловой столик, стоящий у окна. Множество людей спешили по своим делам. Все вокруг вдруг стало осмысленным и наполненным. Теперь уже город не казался таким уж серым, скорее холодным и пронизывающим, сосредоточенным. Я откинулась в кресле и, слегка прикрыв глаза, прошептала: «Здравствуй, Петербург!»

Поочередно листая меню и отвлекаясь на панораму за окном, я пыталась примириться с мыслью, что покинула город Н. Вот так спонтанно и глупо закончилась десятилетняя история моей жизни, и началась новая. Что меня ждет дальше? Я снова прикрыла глаза в попытке собраться с мыслями, но они беспорядочно кружились в голове, не смолкая ни на минуту.

Почувствовав аромат кофе и свежее испеченного круассана, я приоткрыла глаза и снова посмотрела в окно. Собирался дождь и небо, затянутое дымкой окрасилось в серебро. Меня пробрала дрожь, и я подтянула кардиган повыше, кутаясь в него и в свою грусть.

Квартира Марты располагалась в Невском районе, в одном из новых домов Петербурга – лошенок и безупречном.

Марта много работала, поэтому внутри было практически пусто, а потому несколько холодно и неуютно.

Я оставила чемодан у двери и неспешно прошла в комнату. Светлая и опрятная, из мебели там была только кровать, прикроватная тумба и большой шкаф с зеркалом. В спальне Марты находилась аналогичная мебель, только на туалетном столике стоял большой букет пионов, цвета пудры.

На балконе поместилось кресло, а рядом с ним столик, на котором одиноко пристроилась небольшая прозрачная пепельница. Я присела, откинулась на спинку кресла, и закурила. Несколько минут всматриваясь вдаль на то, как солнце медленно тает в оранжевой корке горизонта, пытаюсь принять мысль, что это место станет моим домом на ближайшее время.

Послышался телефонный звонок – это был Виктор. Я смотрела на экран телефона, не решаясь ответить. В голове крутились сотни вопросов, но ответы не находились. Сомнения и страх сковали меня, нужно было ответить на звонок, но я боялась услышать голос Виктора. Что если я захочу вернуться? Что если решение было принято поспешно? Что если однажды я пожалею об этом? Меня охватила паника. Я снова закурила. Телефон замолчал. «Один пропущенный»: прочитала я на экране и замерла в ожидании нового звонка, на который мне придется ответить. Руки тряслись, сердце выпрыгивало из груди, мне казалось, что вот-вот и меня стошнит. Я положила телефон на столик у крес-

ла и снова посмотрела в окно. По ощущению, я находилась на балконе несколько минут, но солнце уже упало за горизонт, и небо окрасилось в серо-синий. Балкон погрузился в холодную дымку.

Снова зазвонил телефон. Я вздрогнула от неожиданности и посмотрела на экран. В этот раз я просто должна была ответить, чтобы все объяснить.

– Да, – мой голос предательски задрожал.

– Эмма, слава богу. Ты где? Что с тобой? Я несколько раз глубоко вдохнула. Не получалось выдавить из себя ни слова, как будто мое тело меня не слушалось. Потребовалось несколько минут, чтобы я смогла произнести хоть что-то.

– Виктор, я уехала. Я больше так не могу. Прости меня, – голос срывался, и я делала длинные паузы.

– Как это, уехала? – удивленно спросил Виктор.

– Я устала. Смертельно устала. Словно я живу не своей жизнью, – я тяжело выдохнула. Мне хотелось все объяснить, чтобы он меня понял. Хотелось все исправить, но слова не складывались в единое целое.

– Эмма, давай я приеду. Прошу тебя, – на этот раз сдержанно произнес Виктор. Ощувив его спокойствие, словно ледяное дыхание, мне вдруг стало нестерпимо больно.

– Куда? – я горько ухмыльнулась. – Я в Петербурге, – повисла пауза. Мне так хотелось, чтобы прозвучали нужные слова, но этого не произошло. Виктор выжидающе молчал.

– Прощай, – произнесла я, когда молчание стало невыно-

симым, и завершила вызов. Виктор больше не звонил. По-другому и не могло быть.

Марта пришла уже ближе к ночи. Она тихо прошла по коридору и, убедившись, что я не сплю, зашла в комнату.

– Ты как? – она села рядом со мной, поджала ноги и пристально посмотрела на меня.

– Это оказалось тяжелее, чем я думала.

– Конечно, уходить всегда нелегко. Ты знаешь, – она сделала паузу, обдумывая свои слова, – я считаю, что ты должна была сказать ему заранее, но я не осуждаю тебя.

– Я знаю, спасибо тебе за это, – выдохнула я.

– Тебе нужно отдохнуть, а завтра можем куда-нибудь сходить. Как думаешь?

– Это отличная идея.

Утро встретило меня солнцем и легким ветром. Мы стояли на балконе, пили кофе и курили. С момента пробуждения никто не проронил ни слова, и я, наконец, осмелилась нарушить молчание:

– Говорят, что отношения – это тяжелый труд. Так же они утверждают, что за счастье нужно бороться. Одного я никак не пойму: если мне нужно прикладывать титанические усилия для того, чтобы кто-то остался со мной, зачем он мне?

Марта слегка улыбнулась, струсила пепел и посмотрела на меня.

– Тебе не нужно прикладывать силы, чтобы кто-то остался

с тобой. Нужно приложить силы, чтобы тебе быть с ним.

Задумавшись над чем-то, она опустила взгляд и ушла в комнату. Я же какое-то время стояла и смотрела вдаль, обдумывая ее слова. Прилагала ли я когда-нибудь силы, чтобы быть с Виктором? Раньше, мне казалось, несомненно. Сейчас же, я думаю, что прилагала силы только для того, чтобы он остался со мной.

Вечером мы решили пойти в один из тех баров, который кратко можно охарактеризовать так: там были все. Марта поровила познакомить меня со всеми своими друзьями, я же умоляла ее провести вечер вдвоем. В итоге, мы сошлись на том, что сядем за отдельный столик, поговорим, а позже присоединимся к остальным. Собираясь, я ненароком поглядывала на телефон, словно ожидая звонка, но никто не звонил.

Пока Марта занималась последними приготовлениями, я вышла на балкон и присела в кресло. Достав темную перламутровую пачку из сумочки, я покрутила ее в руках и тяжело выдохнула, затем загорелся сине-оранжевый огонек зажигалки. Я выдохнула дым и облокотилась на спинку кресла, разглядывая, как он вьется и растворяется в тусклом свете помещения.

Вошла Марта и сообщила о том, что нас ждет такси. Я посмотрела на нее и увидела взгляд полный сочувствия. Мне не хотелось, чтобы меня жалели, поэтому я нарочито отряхнула черное платье в горох, как бы оценила маникюр и про-

шла вперед.

Мы ехали в машине по вечернему Петербургу. Я с восхищением смотрела на преобразившийся город. По телу разливалось приятное возбуждение перед событиями, которые должны были изменить мою жизнь.

В баре было полно народа. Красивые и веселые люди собирались в компании, поддерживая разговоры, темы которых завтра забудут. Мы сели за столик и заказали вино. Разговор не шел, мы то и дело отвлекались на телефоны или осматривались по сторонам. Марта выглядела расстроенной. Я не решалась спросить, в чем дело.

Когда принесли вино, я обратила внимание, что Марта поглядывает в сторону компании, расположившийся у бара. Двое мужчин обнимали девушек, стоявших рядом с ними, за талию и внимательно слушали третьего. Красивый и уже нетрезвый, он что-то рассказывал, активно жестикулируя. Девушки смотрели на него с неподдельным интересом, мужчины же, казалось, с легкой завистью. Однако и те, и другие не спешили покидать его компанию и, охотно поддавшись обаянию, смеялись и умолкали, когда тот подавал им знак.

– Ты кого-то там знаешь? – наконец спросила я, не в силах больше смотреть на Марту, которая уже довольно долго сверлила взглядом оживленную компанию.

– Нет, не думаю, – она посмотрела на меня и сделала глоток вина.

– Может, тогда познакомишься с тем, который один? Ка-

жется, он интересный собеседник, – я улыбнулась и посмотрела в сторону мужчины, который до сих пор о чем-то говорил.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Ты смотришь в ту сторону уже минут двадцать, – возмутилась я. – Мне хочется выйти.

– Я подожду тебя здесь, – произнесла Марта и снова бросила рассеянный взгляд в сторону шумной компании. Я недоверчиво покачала головой, но ничего не сказала.

Свежий прохладный воздух ударил в лицо. На улице, казалось, собралось еще больше людей, чем внутри. Все толпились у входа, небольшими компаниями по три-пять человек. Пробираясь к более свободному месту, я увидела мужчину, который стоял немного дальше всех и только что закончил говорить по телефону. Остановившись, я достала пачку, но никак не могла обнаружить зажигалку. Я подняла глаза, в поисках человека, у которого можно было ее одолжить, и поймала на себе взгляд того самого мужчины.

– У вас не будет зажигалки? Никак не найду свою, – обратилась я, придерживая, раскрывающееся на ветру, пальто за лацканы.

– Да, конечно, – он протянул мне зажигалку. Я прикурила и, выдохнув дым, произнесла:

– Неплохое место, не так ли?

– Я не очень люблю такие заведения, но вроде бы да, неплохое, – ответил мужчина и равнодушно пожал плечами.

– А что же вы тогда здесь делаете? – спросила я.

– Жду одну девушку, попросила забрать.

– Не буду вам мешать, – я развернулась, чтобы отойти в сторону.

– Как вас зовут? – кинул мне вслед мужчина.

– Эмма, – я обернулась.

– Редкое имя, – он улыбнулся и протянул мне зажигалку, – возьмите, у меня в машине есть еще одна. Меня зовут, Ян.

– Спасибо, – я сделала паузу. – Ян – редкое имя – повторила я, и нас разделила компания молодых людей, проходивших мимо. После чего мой собеседник скрылся из виду.

Когда я зашла внутрь, то к своему удивлению обнаружила, что Марта сидела не одна. Ее спутником оказался тот мужчина, с которого совсем недавно она не сводила глаз. Решив дать им время пообщаться наедине, я подошла к барной стойке:

« – Виски со льдом, пожалуйста».

Я снова посмотрела на Марту. Мне показалось, что их разговор не был похож на приятное знакомство в баре, скорее на разговор двух любовников. Пару минут спустя выражение лица спутника Марты приняло несколько озадаченный и суровый вид. Он стал активно жестикулировать, в то время, как Марта все больше вжималась в кресло. Почувствовав что-то неладное, я поспешила к подруге.

– Добрый вечер, не помешаю? – я села напротив мужчины и внимательно посмотрела сначала на него, потом на Марту,

затем снова на него. Мужчина резко замолчал, потом что-то растерянно произнес, глядя на Марту, и быстро ушел, не попрощавшись.

– Все в порядке? Что он хотел?

– Да так, ничего. Где ты была?

– На улице. Затем у бара, – ответила я, наблюдая за Мартой, которая, казалось, была напугана. Она то и дело, вздрагивая, оглядывалась по сторонам, один за другим делая глоток вина.

– Я не потащу тебя домой, – пошутила я, кивая в сторону пустого бокала.

– Эмма, что с тобой? – возмутилась Марта, хмуря брови. – Мы пришли вместе, ты куда-то уходишь, потом оставляешь меня одну в баре с незнакомым мужчиной, – она начала повышать тон, снова наполняя бокал. Я удивленно смотрела то на подругу, то на стремительно пустеющую бутылку вина. Подошел официант.

– Повторите, пожалуйста, – попросила Марта.

– Тебе не кажется, что тебе хватит? – озадаченно спросила я. Марта бросила на меня рассерженный взгляд и снова обратилась к официанту, который стоял у нашего столика в недоумении.

– Повторите, – в этот раз ее голос практически срывался.

– Я не оставила тебя одну, я сидела рядом. Как только увидела, что происходит что-то неладное, сразу пришла к тебе. В чем дело? – попыталась оправдаться я.

– Боже мой, да ни в чем.

Марта подскочила и поспешила к выходу. Я оставила деньги на столике и последовала за ней. Почти у входа она столкнулась с тем же мужчиной, он схватил ее за руку, но не успел ничего произнести, так как вмешалась я.

– Мы уже уходим, – я встала между ними и посмотрела ему в глаза. Не знаю, чем бы все закончилось в другом случае, но Марта высвободила руку, и мы поспешили к выходу.

По дороге домой никто не проронил ни слова. Меня вдруг охватила тоска. Я подумала о Викторе. Может быть, я поспешила с решением?

После душа я вышла на балкон, чтобы выкурить сигарету и лечь спать. Там была Марта. Она молча смотрела на проезжающие машины и выдыхала дым. Я подошла поближе и тоже посмотрела на город, раскинувшийся перед нами в своем лучшем виде.

– Это был он, – произнесла Марта, не глядя на меня.

– Почему ты сразу не сказала? – спросила я.

– Потому что между нами все кончено, – она посмотрела на меня долгим пристальным взглядом, словно ждала дополнительных вопросов.

– Уже поздно, завтра об этом поговорим. Хорошо? – я провела рукой по ее волосам и зашла в комнату.

Проснувшись утром, я обнаружила, что Марты нет дома. На кухне стоял бумажный стаканчик с кофе, а рядом пакет с пончиками. Я взяла завтрак и расположилась в комнате

у ноутбука. Зазвонил телефон. Вздрогнув от неожиданности, я пролила на себя горячий кофе. Отодвигая футболку от живота, не глядя, я ответила на звонок:

– Слушаю.

– Привет, как ты? Я посмотрела на экран, чтобы убедиться, что мне не показалось.

– Здравствуй, Виктор, – ответила я. – Все хорошо.

– Не могу найти папку с документами, – говорил он. – Не скажешь, куда ты ее положила?

– Документы? – возмутилась я. – Ты серьезно?

– Да, – удивился Виктор. – Никак ее не найду.

– Учись справляться сам, – процедила я и положила трубку. Мне потребовалось достаточно самообладания, чтобы не запустить телефон прямиком об стену. «Я- то думала, он захочет меня вернуть»: злилась я, оттирая пятно от кофе. «Кого ты обманываешь? Все кончилось задолго до того, как ты уехала»: говорила какая-то часть меня. Внутри происходила война. На поле сражения погибли все до одного. Мне потребовалось достаточно времени, чтобы понять – кроме ненависти, к нему больше ничего не осталось.

Через пару часов, не в состоянии выносить себя взаперти, я решила, что мне не помешает развеяться.

– Добрый день, – сказала я, садясь в машину. Лицо водителя показалось знакомым, и я стала перебирать в голове откуда. Он молчал, лишь изредка поглядывая на меня в зеркало.

– Я вас узнала, – восторженно произнесла я, – вы забирали меня из аэропорта пару дней назад.

– А я все думаю, узнаете вы меня или нет, – улыбнулся водитель и потер усы.

– Как ваша ситуация, разрешилась?

Выражение его лица стало мрачным, он посмотрел на меня и, тяжело выдохнув, ответил:

– Я попросил знакомых ребят, художников. Ну, эти, что рисуют на стенах баллончиками. Я попросил, чтобы они нарисовали кошку на стене напротив ее дома. Знаете, такую черную с большими зелеными глазами.

Описывая это, его глаза по-детски загорелись, а на лице появилась легкая улыбка, которую тут же омрачили воспоминания. Уже серьезно он продолжил:

– Ей всегда нравились такие кошки. Она сама, как кошка, – горько улыбнулся водитель. – У нее тоже черные волосы и большие зеленые глаза, – он выдохнул и немного приоткрыл окно, – я надеялся, что она увидит ее и сразу же мне позвонит, но этого не произошло.

– Дайте ей время, – произнесла я, прерывая молчание и как бы подытоживая рассказ, – она позвонит. Ваша жена, безусловно, рада такому поступку, поверьте мне.

– Это все не для жены, – ответил мужчина и отвернулся к окну, уклоняясь от моего удивленного взгляда. – С женой у нас давно уже все плохо.

– Тогда я не удивлена, почему от вас ушла та женщина.

Вероятно, она очень умна, – вырвалось у меня.

– Это почему? – поинтересовался водитель, вопросительно посмотрев на меня, пока мы стояли у светофора.

– Можно прямо? – спросила я, собираясь с мыслями. – Вы боитесь. Боитесь того, что, рассказав всю правду жене, останетесь один. Только, по правде говоря, никому не нужен мужчина, который не может сделать выбор. И, по итогу, обманывает двух женщин, которые его любят. Понимаете, вы предаете не только свою жену, но и ту, другую женщину, от которой каждый раз возвращаетесь домой. Поэтому вы уж простите, но видимо вашей любимой надоело ждать, и она приняла решение за вас двоих.

– И что же делать? – водитель задумчиво потер усы и посмотрел на меня.

– Скажите ей правду, – я попыталась вложить все сострадание и мудрость, которые у меня были. – Скажите правду и уйдите от жены, тогда вы вернете вашу любимую.

Мы как раз подъехали к месту, когда я закончила говорить. В этот раз мужчина не поднял на меня глаза, только покачал головой в ответ. Он смотрел вдаль, на прохожих и проезжающие машины, со смирением принимая всю ту правду, которая обрушилась на его голову.

Начинало вечереть, становилось прохладно, и я вдохнула сырой воздух, на секунду почувствовав облегчение. В кафе, куда я приехала, было довольно уютно: приглушенный свет настраивал на спокойный вечер в кругу близких друзей.

Раньше я любила подобные места. Мы собирались небольшими компаниями, обсуждали какие-то насущные и, как тогда казалось, важные дела. Сейчас же все было по-другому. Меня охватила тоска. Тоска по дому, по друзьям, по Виктору.

Повесив пальто, я еще раз окинула взглядом место. В другом конце зала сидела парочка, они что-то обсуждали и казались довольно счастливыми. Чуть ближе ко мне за круглым столиком располагались четыре подружки, которые довольно громко говорили, вскидывая руки, не обращая внимания ни на кого вокруг. Были еще гости: кто-то читал книгу, двое мужчин работали за ноутбуком, две девушки лет по девятнадцать осматривались по сторонам и, кажется, жалели, что выбрали не то кафе для новых знакомств.

Ко мне подошел официант. Он поинтересовался, хочу ли я заказать что-нибудь сразу. Я ответила, что посмотрю меню, поймав себя на мысли, что в меню нет того, что мне нужно. Как бы мне ни хотелось поддерживать образ сильной, успешной и счастливой молодой женщины, это едва ли удавалось. Особенно, если люди, которых я так люблю, абсолютно во мне не нуждались. Итог был таковым, что я оказалась одна в чужом городе с телефоном в руках, который предательски молчал.

– Вы готовы сделать заказ? – прервал мои мысли официант.

– Кофе, пожалуйста, черный.

– С коньяком?

– Можно и с коньяком, – ответила я и состроила на лице некое подобие улыбки.

Мне принесли кофе, распространился терпкий аромат, с легкой горчинкой. Я поднесла чашку к губам и почувствовала резкий сладкий запах корицы.

– Я заказала кофе с корицей? – сконфузившись, спросила я.

– Кажется, нет, – задумался официант и покачал головой. – Прошу прощения.

– Мне очень жаль, но у меня на нее аллергия, – ответила я.

– Позвольте, я принесу новый, – виновато произнес официант.

Когда мне вновь принесли кофе, я взяла чашку и вышла на воздух. На улице стемнело, город оживился, понемногу наполняясь ярким светом вывесок и тусклым мерцанием фонарей. Согревшись, я наблюдала за проходившими мимо людьми, подмечая, что одиночество не так страшно, если есть чашка кофе и пачка Dunhill.

Не знаю, сколько времени я была в кафе. Люди не торопясь начали расходиться. Официант подошел поинтересоваться, не нужно ли мне что еще. Мне не было нужно ничего из того, что он мог предложить.

– Долго ты здесь работаешь? – спросила я.

– Достаточно долго для того, чтобы это место успело мне надоесть.

– Почему тогда не уйдешь?

– Не знаю, мне кажется, я врос ногами в пол этого здания, – он засмеялся. Я тяжело выдохнула и посмотрела на официанта.

– Трудный день? – поинтересовался он, убирая со стола.

– Трудный год, – горько улыбнулась я. – Можно счет?

– Уже уходите? – он стоял напротив и мило улыбался. Мне не хотелось уходить, но кафе совсем опустело, а кофе больше не лезло в горло.

– Наверное, – неуверенно произнесла я, и официант удалился.

Расплатившись, я вышла на улицу и, вдохнув свинцовый воздух, присела на скамейку, неподалеку от входа в Café. Стало прохладно, я укуталась в пальто и посмотрела на черный экран телефона. Через полчаса свет в кафе погас, и работники постепенно небольшими группами стали расходиться. Последним вышел официант, который обслуживал мой столик. Он закрыл двери, несколько раз оглянувшись в мою сторону, затем ушел. Мне вдруг показалось, что моя голова настолько тяжелая, что мне не хватает сил удерживать ее. Опустив голову, я обхватила ее руками и посмотрела на влажный асфальт, от чего-то не решаясь вызвать такси.

– С вами все в порядке? – прозвучало где-то надо мной. Я подняла глаза и увидела моего официанта.

– Думаю да, – отряхнувшись и выпрямившись, ответила я. Он присел рядом и посмотрел на меня.

– Не хочется домой, – призналась я.

– Может, зайдем? – он махнул головой в сторону кафе. Я вопросительно посмотрела на него.

– Кажется, вы закрыты, – я мягко улыбнулась, не желая показаться грубой.

– Мы об этом никому не скажем, – произнес Егор, так звали официанта, и направился к входу, чтобы открыть дверь. Я некоторое время наблюдала за ним со своего прежнего места. Когда Егор распахнул двери Café, он сделал жест рукой, как бы приглашая меня войти. Я проследовала за ним.

– Как бы мне ни хотелось остаться, но пора ехать домой. Ты, наверное, жутко устал, – произнесла я, спустя несколько часов оживленной беседы.

– Остайся, – Егор посмотрел на меня и коснулся своей рукой моего запястья. – Мы можем еще что-нибудь выпить и поговорить, если хочешь.

– Разве тебе не нужно домой? – удивленно спросила я, в глубине души надеясь услышать отрицательный ответ.

– Нужно, но мне хорошо с тобой, – он подскочил и куда-то ушел, добавляя на ходу, – поэтому, если ты не против, предлагаю еще выпить.

Через пару минут Егор вернулся с бутылкой скотча. Засмеявшись и откинувшись на спинку кресла, я поинтересовалась, можем ли мы себе это позволить. Последовал утвердительный ответ, и вот уже в моей руке оказался бокал со льдом и довольно неплохим скотчем.

– Так откуда ты приехала? – спросил Егор, делая глоток.

– Из города Н., но не будем сейчас об этом, – попросила я.

Тема сменилась, время бежало, а вместе с ними опустошалась бутылка скотча, и мы, немного уставшие и прилично выпившие, решили выйти во двор кафе, где обычно собирался персонал, чтобы освежиться и перекурить.

– Это странно, да? – вдруг спросила я.

– Что именно?

– Я же тебя почти не знаю, а пью здесь и болтаю о том о сём, – я посмотрела на него и присела на несуразную скамью, сколоченную из бревна и досок, так как земля начала уходить из-под ног.

Мы курили на заднем дворе кафе. Вокруг не было ни души, только мы вдвоем и тихая тусклая ночь. Тишина, воцарившаяся кругом, умиротворяла. В такие моменты наиболее остро хочется чувствовать, что живешь. Хочется говорить до утра и любить так, как никогда в жизни.

Подул прохладный ветерок. По телу пробежала дрожь, и я инстинктивно съежилась. Егор подсел ближе и покрутил в руках бокал, на дне которого еще осталось немного скотча. Он выпил залпом остаток и взял из моей руки сигарету. Затянувшись, он произнес:

– Это не странно. Если что-то происходит с нами, значит так нужно. Егор серьезно посмотрел на меня, и здесь, в темноте двора, под тусклым светом фонаря, я поняла насколько он прав.

– Обними меня, – прошептала я и положила голову ему на плечо. Мне не нужно было просить дважды, он и сам ждал момента, когда сможет это сделать.

Ранним утром, когда лучи солнца только начали неспешно пробиваться сквозь туман из-за горизонта, а небо окрасилось в горько-сладкий цвет, я садилась в такси. Егор придерживал дверь машины и мягко улыбался.

– Заезжай еще, – напоследок произнес он. Я утвердительно кивнула, и перед тем, как он закрыл дверь, добавила:

– Кстати, у меня нет аллергии на корицу, просто я ее не терплю.

Глава 2. «Обретая смысл»

Ранее утро. Тусклое солнце осторожно пробиралось сквозь горизонт, утопая в редких металлических облаках и отбрасывая абрикосовый свет на крыши домов. Марта уже убежала на работу. Я же, недавно вернувшись домой, никак не могла уснуть. Укутавшись в плед, поджав под себя ноги, я сидела на балконе в кресле, прокручивая в голове воспоминания сегодняшней ночи. Легкий ветер, залетающий в открытое окно, подхватывал перламутровый дым и уносил за собой, растворяя в утреннем свете.

Взяв в руки телефон, я долгое время смотрела на черный экран, как будто собираясь с силами, чтобы разблокировать его. «Бывает так, что среди тысячи друзей, нужную поддержку окажет тот, кого даже не знаешь»: заключила я, снова подумав о Егоре. Через некоторое время усталость взяла верх, и я крепко уснула.

Когда я открыла глаза, на часах было около шести. Марты по-прежнему не было дома. Я позвонила несколько раз, прежде чем она взяла трубку.

– Привет, ты где? – взволновано спросила я.

– Все в порядке, я сегодня задержусь, – торопливо ответила подруга, желая быстрее распрощаться со мной.

– Марта, милая, сегодня же выходной, – я засмеялась, – тебе хоть доплачивают?

– Я же сказала, все хорошо, – с нескрываемым раздражением ответила Марта, – перезвоню.

Она положила трубку.

За окном начало смеркаться. По небу ползли фиолетовые облака. Я слонялась из комнаты в комнату, после неудачных попыток занять себя чем-нибудь полезным. Чем темнее становилось на улице, тем холоднее у меня внутри. Когда оставаться наедине с собой стало невыносимо, я вызвала такси и направилась в Café. Срывался мелкий дождь, дороги и тротуары стали антрацитовыми. Прохожие толпились под козырьками парадных и ресторанов, некоторые спешили по своим делам. Крошечные острые капли дождя подсвечивали тусклые фонари. Все вокруг было оживленным и одновременно безучастным, я почувствовала себя лишней в этой рыже-коричневой карусели из листьев, дождя и людей.

Сегодня в Café было совсем немного людей. Осмотревшись по сторонам, я заняла тот же столик, что и вчера. Здесь, в приглушенном свете огромных тканевых ламп, все кафе находилось, как на ладони, в то время как я могла оставаться незамеченной длительное время. Егор находился в глубине барной стойки. Увлеченно беседуя с коллегой, наверное, он меня и не заметил. Я вышла на улицу.

Я стояла недалеко от входа, под скругленным бордовым козырьком. Ветер закидывал крупные дождевые капли, они падали на лицо, по шее стекая к вороту пуловера. Подтянув за лацканы пальто повыше, я прикурила и посмотре-

ла на противоположную сторону дороги. Деревья разбросали гранатовые листья на угольный тротуар из брусчатки. Под дождем листья приклеились к дороге, и лишь случайный прохожий, торопясь по своим делам, уносил некоторые из них на подошве ботинок. Еще какое-то время я наблюдала за людьми и тем, как в спешке, они упустили прекрасные мгновения осени, затем вернулась в кафе. Когда ко мне подошел официант – не Егор, я порядком расстроилась. Сделав заказ, я еще раз внимательно присмотрелась к стойке, но там никого не было. Никого, кто был нужен. Мне стало мучительно одиноко среди больших пустых окон и маленьких увлеченных людей, снующих по мокрым тротуарам под разноцветными зонтами.

Когда я снова вышла на воздух, к тому времени дождь понемногу стих и сквозь серо-фиолетовые тучи начало проглядывать глубокое темно-синее небо. Машины проносились мимо, исчезая в сыром вечернем воздухе. Где-то играла музыка. Я стояла на улице, рядом с Café, выдыхая дым, пытаюсь совладать с накатившей грустью. Напротив припарковалась машина, из нее вышел мужчина лет тридцати пяти на вид, затем девушка. Он раскрыл зонт, придерживая спутницу за локоть, пока та переступала лужу. Когда они подошли ближе, я случайно подслушала их диалог:

– Здесь готовят вкусный кофе, – говорил мужчина.

– Я бы сейчас выпила огромную чашку капучино с корицей, – ответила девушка.

– Не могу разделить твой восторг, – он открыл дверь, пропуская спутницу вперед, и кинул на меня короткий взгляд. Затем продолжил:

– Не люблю корицу.

Провожая пару взглядом, я мягко улыбнулась. Лицо мужчины показалось мне знакомым. Наконец, подъехало такси. Я села в машину, с тоской посмотрев в сторону молодых людей, расположившихся у окна, за столиком, где только что я множила грусть.

Дорога тянулась бесконечно долго, город стоял в пробках и водитель, видимо порядком уставший, нервно стучал пальцами по рулю. Откинувшись на спинку заднего сидения, слегка запрокинув голову, я наблюдала за тянущимися мимо домами и подмечала красоту вечернего Петербурга. Настроение было бесконечно лирическим, хотелось ехать как можно дольше, смотреть из окна и ждать, когда, наконец, печаль достигнет своего апогея и освободит меня, чтобы я смогла свободно дышать.

Подъехав к подъезду, я обнаружила, что в нашей квартире зажжен свет. Я присела на скамью у входа и посмотрела на фиолетово-синее небо. Кое-где еще толпились маленькие черные облака. Они медленно уплывали из виду, оставляя пустой небосвод.

Пройдя по коридору, я обнаружила Марту в спальне с бокалом в руках в тишине на не застеленной кровати.

– Ты была не одна? – озадаченно спросила я.

– Одна.

– Ты заболела?

– Нет, – неохотно отвечала Марта, глядя куда-то мимо меня.

– Давно пришла? – продолжала я.

– Недавно.

Марта была явно нерасположена к диалогу. Я вышла из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

Пройдя через свою спальню на балкон, я открыла окно и вдохнула полной грудью холодный воздух. Машины уносились вдаль, разбрасывая свет в маленьких частицах влажного воздуха. Через некоторое время Марта вышла ко мне, обронив полный недоверия взгляд, сохраняя ледяное молчание. Она подкурила, и маленький огонек зажигалки на секунду осветил ее печальные глаза.

– Не люблю осень, – начала она, – холодно, сыро и грустно. Марта стояла вполборота от меня, облокотившись об откос. Ветер, залетающий в открытое окно, мягко подхватывал ее волосы и снова опускал на плечи.

– Поверь мне, дело не в осени, – тяжело выдохнула я.

– Ты этого не можешь знать, – с раздражением ответила Марта. Я промолчала, лишь устало покачав головой. Как часто мы переоцениваем свои страдания, при этом недооценивая страдания других.

– Иногда мне кажется, что я знаю все о грусти и одиночестве, – еле слышно произнесла я. Она ответила мне непони-

мающим взглядом. – Не бери в голову.

– Это больно?

– Что именно? – переспросила я и присела в кресло, наблюдая за подругой теперь уже со спины. В воздухе повисло напряженное молчание, словно нам обоим хотелось быть услышанными, избежав при этом долгих объяснений.

– Прощаться, – пояснила она после долгой паузы.

– Больно прощаться не с человеком, а с ожиданиями на его счет, – заключила я.

Ночью, лежа в постели, я еще долгое время всматривалась в ночное небо. Серебристая луна разбрасывала тусклый свет по комнате, когда тучи, проплывающие мимо, открывали ее. «Это очень больно»: думала я, чувствуя, как тихие холодные капли стекают на руку.

Проснувшись от шума, сонная, я побрела на кухню, где обнаружила Марту.

– Сегодня же понедельник, почему ты не на работе? – удивилась я, присаживаясь на стул.

– Я решила взять отгул, – защebetала Марта, поворачиваясь ко мне в фартуке и с кухонной лопаткой в руках. Она выглядела счастливой и отдохнувшей, точно еще вчера не было полного грусти взгляда и смиренного отчаяния. Заметив, что я за ней наблюдаю, Марта одарила меня мягкой улыбкой и, жестом указав немного подождать, поставила рядом чашку ароматного горячего кофе.

– Я пеку блины, – просияла подруга и добавила, – в пер-

вый раз. Передо мной появилась тарелка с блинами. В предвкушении вкусного завтрака я потерла ладони и вдохнула аромат.

– Выглядит потрясающе, – произнесла я. Довольная собой, Марта одобрительно кивнула и, закончив возиться на кухне, поспешила в душ.

После завтрака, отказавшись от прогулки по городу, когда Марта ушла, я принялась изучать вакансии. Мне повезло договориться о нескольких интервью.

Наступил день собеседования. Пасмурное утро грустно томилось над городом. С неба срывался мелкий дождь. Дороги и тротуары, устланные опавшей бурой листвой, скользили под ногами. Добравшись до места, я остановилась напротив здания и обвела его оценивающим взглядом. Наконец, собравшись с мыслями, я сделала глубокий вдох, перешла дорогу и зашла внутрь.

В приемной офиса было довольно просторно и многолюдно. Я оценила себя с головы до ног в узком зеркале при входе и, убедившись, что все в порядке, подошла к винтажной деревянной стойке. Телефоны звонили каждые две минуты. Две девушки неустанно отвечали на звонки и делали заметки. Когда я подошла ближе и сообщила о цели визита, мне рукой указали в сторону зоны ожидания, где к тому времени собралось немало людей. Я послушно кивнула и, ища глазами свободное место, направилась туда.

Панорамные окна здания, расположенные в зоне ожидания, выходили на оживленную улицу. Тусклый свет мягко струился, растекаясь по белому глянцевому полу. Я присела на край сине-серого небольшого дивана неподалеку от окна и окинула взглядом присутствующих. Напротив меня, на невысоком сиреневом пуфе расположился парень лет двадцати пяти, он понимающе улыбнулся, затем отвел взгляд в сторону; немного поодаль, сидела девушка, скрестив пальцы с красным маникюром, обхватив хрупкую коленку, она беспокойно покачивала ножкой в черной лаковой туфельке; рядом расположилась тучная женщина, которая скучающе смотрела по сторонам и, кажется, ни она, ни кто-либо из присутствующих не понимали, что она здесь делает. Я кротко улыбнулась и поймала на себе неодобрительный взгляд девушки с карминово-красным маникюром. Наконец, прозвучала моя фамилия, и я поспешила за ассистентом, стремительно удаляющимся от меня.

Передо мной вышел претендент с измученным лицом, что-то бормоча под нос. Я посмотрела ему вслед и, глубоко вдохнув, зашла в кабинет.

– Добрый день, – отчеканила я. За скругленным белым столом сидела молодая женщина лет тридцати пяти на вид, может немного старше. Лицо ее было осунувшимся и сосредоточенным, с маленькими морщинками в уголках глаз. Она говорила по телефону, хмурия брови, от чего между ними появлялась неглубокая бороздка. Я стояла в дверях, не реша-

сь пройти, переминаясь с ноги на ногу.

– Здравствуйте, Эмма Вернер, – я подошла ближе и протянула руку, когда девушка отложила телефон. Она подняла на меня строгий взгляд и жестом пригласила присесть. Я расположилась напротив, положив одну ногу на другую, и скрестила пальцы, мягко опустив их на колено.

«Анна Каган»: прозвучало в ответ. Доли секунд мы смотрели друг на друга в упор. Анна уставшим скучающим взглядом, я – полным смирения и желанием заполучить эту работу. Наконец, диалог перешел к стадии интервью. Телефон звонил каждые пять минут, всякий раз перед тем, как ответить, Анна бросала в его сторону раздраженный взгляд, указывая мне жестом подождать. Я безропотно ждала, потом вновь отвечала на вопросы и снова ждала. «Начинаю понимать, почему предыдущий претендент вышел отсюда с таким лицом»: думала я, когда Анна в очередной раз отвечала на звонок.

– Эмма, – прервал мои размышления строгий голос интервьюера. – Если любите помечтать, это не к нам. Я судорожно замотала головой. Мне стало жаль эту молодую женщину, устало склонившую голову над бумагами, вынужденную к тому же заниматься не своей работой.

– Вы будете под руководством Яна Майера, – произнесла Анна. – Я временно исполняю его обязанности. Ему нужен не просто сотрудник, а полноценная замена, когда он в командировках.

Снова зазвонил телефон, и Анна махнула рукой в сторону

двери. Я недоумевающе посмотрела на нее, но она уже не обращала на меня внимание. «И что это значит?»: подумала я, стоя по другую сторону двери, под пристальным наблюдением следующего претендента.

Пройдя мимо стойки, где по-прежнему неустанно звонили телефоны, я спустилась по белым ступенькам, посеребрившим в середине от слякоти и листвы, и вышла наружу. Подул легкий ветерок, потянув за собой края клетчатого палантина.

– Девушка! – послышался звонкий голос. Я обернулась. В дверях стояла молоденькая девушка. Ее глаза блестели, а на лице сияла назидательная улыбка.

– В понедельник, – произнесла она, когда я подошла чуть ближе. – К девяти. Я улыбнулась и кивнула в ответ.

Девушка скрылась из виду, а я еще какое-то время стояла недалеко от входа, испытывая радость от того, что моя жизнь начала обретать смысл.

Глава 3. «Он. Она. Я»

– Сегодня потрясающая погода, – произнесла Марта. Я одобрительно кивала головой, смотря на раскрывающийся перед нашим взором Петербург с высоты десятого этажа. Я расположилась в яйцевидном кресле цвета бисквита около высокой лампы на глянцевой белой ножке. Марта сидела напротив, задумчиво листая меню. Солнце почти скрылось за горизонтом, утопая в кварцевых многоэтажках и разбрасывая последние лучи, от чего здания приобретали теплый оттенок апельсиновой кожуры.

Последние несколько дней мы почти не общались, поэтому сейчас, даже случайное замечание о погоде отзывалось во мне теплой приветливой волной из дружелюбия и сочувствия, неизвестно почему.

– Он оказался женат, – вдруг произнесла Марта, закрывая меню и посмотрев на меня так, точно ждала пощечины. Я перевела взгляд от окна на подругу, на минуту задержавшись на ее руках, которые, казалось, Марта не знала куда деть, затем снова отвернулась к окну. – Я догадывалась, что у него кто-то есть, но не думала, что жена, – добавила Марта.

Я недоверчиво посмотрела на подругу:

– Ты или потрясающе наивна, или восхитительно глупа. Марта округлила глаза, от чего ее лицо приобрело детское выражение. Она теребила краешек салфетки, обидчиво под-

жимая нижнюю губу.

– Я люблю его, – еле слышно протянула Марта и подняла на меня большие стеклянные глаза.

– А он что? – устало, выдохнула я. Марта ничего не ответила, лишь покачала головой так, словно вела внутренний диалог, в котором очевидно проигрывала.

Принесли еду. За нашим столиком воцарилось молчание. Вечер опустился на город, буднично зажигая свет в домах и на улицах, совсем не подозревая, что он – главный страх большинства из тех, у кого разбито сердце. «– Не люблю вечер», – произнесла я, чувствуя, как третий бокал Пино Нуар развязывает мне язык. Марта удивленно посмотрела на меня.

– Как-то по-особенному остро ощущается одиночество, – добавила я, облакачиваясь на спинку кресла.

– Ты не одна, – осторожно возразила Марта, покачав головой. Я улыбнулась в ответ, не решаясь что-либо добавить. За окном совсем стемнело. Внутри зажгли крупные белые лампы, стоящие у каждого столика, от чего наши отражения, искаженные и тусклые, проявились в окне. Строгим взглядом я смотрела на себя, порицая внутри за излишнюю худобу и пустой блуждающий взгляд, такой несвойственный девушкам моего возраста. «Мы все несчастны, но каждый по-своему»: подумала я, делая глоток вина и множа внутри себя какую-то странную и пугающую скорбь.

– Что ты делала все эти дни? – спросила Марта, отвле-

каясь от тягостных мыслей и поддаваясь своему обычному жизнелюбию.

– Гуляла, – отрешенно протянула я, а затем осторожно добавила, – познакомилась с официантом в Cafe. При этих словах на моем лице появилась еле заметная улыбка, которую Марта не упустила из вида.

– С кем? – переспросила Марта, игриво улыбаясь.

– Знаешь, мне уже давно не было так спокойно и хорошо рядом с человеком. С ним я чувствовала себя как будто лучше. По правде сказать, большее, что может сделать один человек для другого, так это позволить ему быть лучше, чем тот есть на самом деле.

– Ты что же в него влюбилась? – воскликнула подруга, настолько серьезно, насколько это было возможно. Я посмотрела Марте в глаза и замотала головой, слишком нарочито для правды. Она сощурила глаза, как бы подозревая меня.

– Нет, – ответила я, водя пальцем по кромке бокала. – За это тоже ему спасибо.

Вернувшись домой около двенадцати, мы разошлись по своим комнатам. Каждой из нас было о чем подумать, и мы более не хотели лишать друг друга этого права. Марта даже не догадывалась о том, насколько ее подозрения лишены всякого смысла. «Смогу ли я еще когда-нибудь полюбить?»: думала я перед сном и не находила утвердительного ответа.

«Доброе утро, туманный город»: произнесла я про себя, стоя на балконе у открытого окна и наблюдая, как светло-серебристый дым растворяется в холодном воздухе. Ветки деревьев мягко покачивались на ветру, роняя багровые листья на тротуар. Марта вышла ко мне. Она мягко улыбнулась и подкурила, устремляя взор куда-то далеко. Намного дальше, чем может видеть человеческий взгляд.

– Должно быть, ты приняла правильное решение? – поинтересовалась я. Марта развернулась ко мне. Ее глаза блестели, а лицо озаряла довольная гримаса.

– Я буду бороться, – воодушевленно воскликнула Марта. Я удивленно уставилась на подругу, непонимающе нахмурив брови. Она ответила виноватой улыбкой и скрылась в комнате. Мне потребовалось некоторое время, чтобы собраться с мыслями, и я последовала за ней.

Марта находилась в своей спальне, если точнее в шкафу в своей спальне. Одну за другой она доставала вешалки с платьями, аккуратно раскладывая их на кровати, подолгу рассматривая каждое.

– Прости, ты будешь что? – произнесла я, не скрывая удивления. Марта снисходительно посмотрела на меня и улыбнулась.

– Буду бороться, – повторила она, искренне не разделяя мое негодование. – Я поняла, что нужно бороться за свою любовь. Она застыла с платьем в руках, бережно прижимая его к себе, будто мать прижимала к груди дитя.

– А что же делать с его маленьким недостатком? – саркастично заметила я, усаживаясь на край кровати, опрометчиво оставленный пустым.

– Ты про жену? – Марта состроила удивленное личико. – Что-нибудь придумается, – она беззаботно махнула рукой, и я поняла, что самое время отступить. Жизнь сама расставит все по своим местам. «В конце концов, в любовном треугольнике самое главное – не оказаться тупым углом»: подумала я и вышла из комнаты, оставляя подругу в блаженном неведении.

День сегодня обещал быть томительно долгим. Оставаться наедине с собой мне не очень-то хотелось, а вдвоем с воодушевленной, даже более чем обычно, Мартой тем более.

– Я пойду, прогуляюсь, – произнесла я, заглядывая в комнату к Марте. Она сидела на полу, разглядывая и расставляя туфли. Марта подняла на меня озадаченный взгляд, застыв с изумрудными лодочками в руках.

– Если ты подождешь, можем пойти вместе, – произнесла Марта. Я покачала головой:

– Думаю, тебе есть чем заняться.

Марта одобритительно закивала, снова погружаясь и утопая в мире хорошей одежды и плохой любви.

– Вечером не жди меня, – крикнула она мне вслед. Я тяжело выдохнула и принялась собираться.

Гуляя по Вознесенскому проспекту, я наблюдала за людьми и думала об одиночестве. Мне казалось, что пу-

стога, образовавшаяся во мне, разрастается подобно сорняку и более не поддается контролю. Словно каждая клеточка организма отказывается подчиняться мне, поддаваясь и замирая в объятиях жестокой реальности, в которую я сама же нас бросила. Чувство вины подступило к горлу удушающей оскоминой. Я почувствовала себя беспомощной и уставшей.

Колючий ветер тащил по тротуару гнилые листья. Они, послушно подчиняясь его воле, перекатывались тонкими полупрозрачными краями, цепляясь за влажную дорогу, и замирали до следующей волны. Мне стало холодно, и я зашла в первый попавшийся ресторан, встретившийся на моем пути.

Большие ниспадающие вниз люстры разбрасывали свет на белые круглые столики, окрашивая в теплые тона мягкие спинки коричневых кресел из грубой кожи, закрепленной на деревянных спинках большими кольцевыми кнопками. Из широких во всю стену окон струился мягкий свет еще только-только наступающего вечера. Я присела за маленький круглый столик у окна.

Сделав заказ, я вышла на улицу. На веранде, рядом с рестораном можно было покурить. Я присела в плетеное кресло цвета горького шоколада, натягивая чуть выше шарф, и посмотрела вокруг. Рядом стоял небольшой стол с каменной лакированной столешницей на тонкой черной ножке, какие были у старых швейных машин. На столике не было ничего, кроме прозрачной пепельницы с незамысловатой над-

писью «Счастье». Мимо торопились прохожие, некоторые из них поднимали головы, чтобы прочесть название ресторана. Некоторые обращали внимание и на меня, словно я была забытым манекеном в этой холодной прямоугольной прозрачной коробке.

Собираясь вернуться, я вышла из веранды и задержалась на ступеньках, еще раз окинув взглядом улицу. Солнце неспешно утонуло в персиковом горизонте, отбрасывая розовато-золотистые лучи на редкие, устало плывущие, облака, которые, казалось, вот-вот будут разрезаны шпилем купола Исаакиевского собора. Влажный тротуар вокруг отражал розоватый свет, будто кто-то невидимый разлил по нему гренадин. Я стояла у входа в ресторан, восхищаясь слиянием произведений природы и человека. Внезапно дверь ресторана широко распахнулась и оттолкнула меня назад, на оживленный тротуар, прямо в объятия пожилого мужчины, который еле удержав меня, чуть не упал сам. Потирая ушибленный локоть, я извинялась перед мужчиной, когда заметила Егора, который в свою очередь извинялся передо мной. Удивленный он повторял «Простите, пожалуйста» до тех пор, пока не узнал меня. Пожилой мужчина удалился, а мы стояли друг напротив друга, улыбаясь и не решаясь заговорить.

– Рад тебя видеть, – произнес Егор и смущенно потер затылок. Мы немного отошли от входа в ресторан и растерянно замерли на месте. – Почему ты не приходила?

– Не знаю, – после секундной паузы ответила я, пожимая

плечами. – Я заказала кофе, – кивнула я в сторону ресторана и замолчала на половине фразы.

– Странно, что я не увидел тебя, – извиняющимся тоном ответил Егор.

– Наверное, ты пришел, когда я выходила на улицу. Зайдем? – улыбнулась я, направляясь в сторону ресторана. Егор открыл дверь, пропуская меня вперед. Мы расположились за моим столиком, друг напротив друга.

Вечер тихо пробирался в большие окна, отбрасывая холодную синеву на наши силуэты. Прохожие слились в единый сероватый размытый поток, что было сложно различить кого-то отдельно. Я сидела, положив одну ногу на другую, опираясь ноющей рукой на ручку кресла. Мы говорили обо всем, прежде чем лицо Егора сделалось слишком серьезным. Он одарил меня долгим молчаливым взглядом. После таких взглядов обычно следует поцелуй, признание в любви или же сентиментальное прощание. Я недоверчиво вжалась в кресло, будучи не готова ни к чему из вышперечисленного.

– Я много о тебе думал, – произнес Егор. И я почувствовала острое желание сбежать. Он снова пристально посмотрел мне в глаза, но больше ничего не добавил. Я с облегчением выдохнула и состроила на лице некое подобие улыбки.

– Мне пора домой, – неестественно прозвучал мой голос. Егор понимающе кивнул и встал из-за стола. Я непонимающе подняла на него глаза.

– Оплачу счет, чтобы мы не ждали слишком долго, – по-

яснил он и удалился. Я не спеша оделась и вышла на веранду. Холодный воздух окутал все вокруг, смешавшись с табачным дымом. Прохожие все так же проплывали мимо, в безмолвном единстве устремляясь вдаль. Мне было тоскливо и одновременно спокойно, словно я покорно принимала что-то неизбежное.

Егор вышел ко мне и, молча, подкурил. Рядом со мной на секунду заблестело оранжевое пламя зажигалки. Я услышала, как он выдохнул, и серебристый дым растекся по промозглому мутному помещению. В это мгновение мне вдруг захотелось быть менее одинокой, чем до этого. Я повернулась к Егору. Он затаился и посмотрел на меня. Его губы искривились в мягкой улыбке. Он снова выдохнул, и густой прозрачно-серый дым окутал нас, скрывая блеск глаз и робкое мальчишеское желание стать ближе.

Вернувшись в пустую квартиру, как и было обещано, не обнаружив Марты, я вышла на балкон. Устремив взгляд на оживленный проспект, я подумала о быстротечности жизни, и в свете уличных фонарей и уносящихся машин слова Марты приобретали для меня новый смысл. Возможно, отпустить гораздо сложнее, чем бороться?

Глава 4. «Друг или враг?»

За окном шел проливной дождь. Ветер безжалостно срывал с деревьев оставшиеся листья, бросая их к ногам сонных прохожих. Я ехала в такси, нервно постукивая новенькими туфлями по полу машины и вот уже в десятый раз разглаживая рукой небольшую складку на правой стороне пальто, цвета топленого молока.

Машина медленно ползла по Суворовскому проспекту. Дворники, поскрипывая, едва успевали расчищать лобовое стекло от стекающих капель. Мы стояли в квартале от места назначения, и перспектива промокнуть была не такой пугающей, как опоздать еще хотя бы на десять минут. «– Кажется, отсюда недалеко. Я выйду», – сунув водителю мятые купюры, я выбежала из такси. Мастерски лавируя между людьми с их огромными зонтами, я приблизилась к пешеходному переходу, как, поворачивающий серебристый седан, влетел в переулок, при этом окатив меня из лужи.

«Вот черт!»: вскрикнула я, осматривая пальто, изрезанное извилистыми серо-коричневыми бороздами. Со мной поравнялся седовласый мужчина. Он выглянул из-под черного купола зонта и посмотрел на меня взглядом, преисполненным сочувствия. Перейдя дорогу, я завернула в первый попавшийся двор. Стоя под аркой, выдыхая серо-белый дым, я чувствовала горечь во рту и одновременно облегчение в ду-

ше. По волосам стекали дождевые капли, пальто было безнадежно испорчено, руки замерзли и покраснели: я стояла, шмыгая носом, рядом с огромной лужей и смотрела на свое причудливое искаженное отражение в ней. Собравшись с силами, я вышла из своего укрытия и уверенной походкой направилась в сторону работы.

– Доброе утро, – произнесла я, облокотившись на стойку. Через несколько секунд на меня обратили внимание.

– Доброе, – протянула девушка, не сводя с меня глаз. Я опустила взгляд и заметила, как по волосам стекают капли дождевой воды прямо на отполированную столешницу, образуя небольшую лужицу.

– Сегодня мой первый рабочий день, – говорила я, пытаюсь изящно перекинуть волосы через плечо. Но массивное кольцо «тринити», так блестяще сидящее на пальце, безнадежно запуталось в волосах. Несколько раз я безрезультатно дернула рукой, но мне никак не удавалось высвободиться. Девушка выжидающе смотрела. « – Мне нужен Ян Майер», – добавила я, прижимая к себе руку и улыбаясь настолько беззаботно, насколько это было возможно. Наконец, затянувшееся молчание и мое незавидное положение прервал телефонный звонок. Воспользовавшись моментом, я изо всех сил дернула рукой. Высвободившись из плена, я почувствовала, как пнула локтем кого-то сзади. С громким возгласом «Прошу прощения!» я обернулась, уронив при этом сумку, содержимое которой разлетелось по полу. Девушка наклони-

лась через стойку и, сдерживая подступивший смешок, произнесла: «Ян, это к вам». Сгорая от стыда, я подняла голову и произнесла: «Здравствуйте».

Ян одарил меня надменным взглядом сверху донизу, по военному развернулся на месте и направился к лифту. Потом он обернулся, и спросил: «Вы идете?» Я поспешила за ним.

Мы поднимались в лифте. Я смотрела то на себя, то на Яна в зеркале. «Выглядишь жалко»: говорило мое отражение. Ян стоял рядом, искоса поглядывая на меня. Молчание было мучительным, но я не решалась заговорить. Наконец, двери лифта открылись, и мы проследовали по ярко освещенному коридору, в свете которого мое пальто приобретало еще более удручающий вид.

– Присаживайтесь, – строго произнес Ян, придерживая для меня дверь. Я послушно расположилась напротив, осматривая просторный светлый кабинет.

– Для начала, – он принялся рассматривать бумаги, откладывая некоторые в сторону, а другие перед собой, – я жду от своих подчиненных полной самоотдачи в работе. Ян поднял на меня строгий взгляд, сделав паузу.

– Да, конечно, – закивала я.

– Во-вторых, опоздания неприемлемы, – он отложил бумаги и скрестил перед собой руки, опираясь на стол.

– Я понимаю, – начала я, когда Ян смерил меня взглядом. Я замолчала.

– Оправдания – это лишняя трата времени, поэтому избавьте меня от подробностей и принимайтесь, наконец, за работу, – он снова переключил внимание на документы. Я немного замешкалась, не решаясь выйти. Ян посмотрел на меня:

– Вы еще здесь?

– Да, конечно, – я бубнила себе под нос, поднимаясь и направляясь к выходу.

– Ах да, Эмма, – послышался голос Яна, и я обернулась, – приведите себя в порядок. Я стыдливо опустила глаза и вышла из кабинета.

«Как можно было начать рабочий день – вот так?»: злилась я на себя в дамской комнате, пытаюсь хотя бы немного отчистить пальто, и все больше растирая грязь. Я посмотрела на себя в зеркало: волосы завились и распушились, косметика потекла, а пальто теперь не спасет ни одна химчистка. «С какой стороны не посмотри, вид у тебя удручающий»: сказала я себе и попыталась отыскать косметичку в сумке, но та снова выскользнула из рук и плюхнулась на пол. Я горько выдохнула и присела рядом.

Послышался стук каблуков. Дверь туалета открылась. Я подняла глаза. Надо мной возвышалась хрупкая и идеальная Анна Каган.

– Отдыхаешь? – спросила она, поворачиваясь к зеркалу.

– Как видите.

– Послушай, – Анна отошла от зеркала и присела передо

мною на корточках. – Если дождь и какой-то мудака, окативший тебя из лужи, способны выбить тебя из равновесия настолько, что ты сидишь на полу женского туалета. Мой тебе совет: собирайся, отправляйся домой и не вздумай сюда возвращаться. Закончив говорить, Анна выпрямилась и мельком посмотрела на себя в зеркало. Было похоже, что ей тоже необходимо перевести дух, но я, конечно же, ничего не спросила.

Говорят, что сила женщины в ее слабости, но так ли это на самом деле? Ведь если расплакаться перед начальником, едва ли он посчитает это милым. В то же время, любимый мужчина вряд ли оценит напор и жесткую хватку. Кто-то скажет что нужно умело распределять роли, не смешивая карьеру и семью. И все-таки, лавируя между работой и домом, притворяясь сильной или оставаясь слабой, как не запутаться в ролях и не потерять себя?

Через полчаса самобичевания, я вышла из своего укрытия, с поправленным макияжем, собранными волосами и еле заметными пятнами на пальто. Пройдя мимо кабинета Анны, через стеклянную перегородку я увидела ее – сильную женщину, которая уж точно не забывает правила игры.

Ближе к вечеру я постучалась в кабинет Яна:

– Можно? Я подготовила отчет о клиентах и у меня есть несколько предложений, – аккуратно и, как бы извиняясь, говорила я. Мне хотелось доказать, что я вовсе не безнадежна, как это могло показаться на первый взгляд.

– Уже поздно, Эмма, оставьте все у меня на столе и идите домой, – сухо произнес Ян.

Он сидел на диване и что-то читал. На стеклянном столике перед ним стояла чашка с кофе, рядом лежал телефон. Ян нервно постукивал пальцами по обивке дивана, тяжело вздыхая вот уже третий раз за время моего присутствия в кабинете. Он выглядел обеспокоенным и, несмотря на холодный прием, мне вдруг отчего-то стало жаль его.

– Я могу чем-то помочь? – осторожно спросила я. Отложив бумаги, Ян поднял на меня усталый, немного грустный взгляд. Лучи света, от стоявшего рядом торшера, мягко ложились на его лицо, от чего напряженные скулы не казались такими острыми, как при свете дня.

– Всего хорошего.

Кажется, я выдавила из себя что-то нечленораздельное и вылетела из кабинета. «Меня точно не возьмут на эту работу»: думала я, собирая вещи со своего рабочего места. «Нет, одного мудака выдержать я могу, но что, если их уже несколько и один из них мой босс?»: возмущалась я про себя.

– Привет, ты здесь новенькая?

Я подняла глаза. Передо мной стояла очаровательная брюнетка лет двадцати пяти на вид в такой узкой юбке, что мне стало тяжело дышать.

– Меня зовут Кира, – произнесла девушка и протянула мне хрупкую ручку с красным маникюром и тонким браслетом на запястье.

– Эмма, – произнесла я, пожимая ей руку.

Кира ослепительно улыбалась. За ее блестящими черными глазами и белоснежной улыбкой едва ли можно было распознать истинную причину проявления дружелюбия.

– Я работаю секретарем у Яна, – сказала Кира, не дожидаясь вопроса.

– Хорошо, – пожала плечами я. – А я прохожу стажировку на должность менеджера.

– По клиентам, – засмеялась Кира. Я недоверчиво покосилась в ее сторону. – Я знаю, – продолжила она, усаживаясь на стул рядом с моим столом, – должна признаться, я тебе не завидую.

– А должна? – удивилась я. Кира снова звонко рассмеялась.

– А ты не так проста, как кажешься на первый взгляд, – она осмотрелась по сторонам и наклонилась ближе ко мне, – иногда Ян бывает невыносим, так что наберись терпения. При этих словах Кира подмигнула мне, как будто у нас был сговор или что-то наподобие того. Я лишь недоверчиво подняла брови.

– Приятно было познакомиться, – произнесла Кира, поднимаясь с места и все также ослепительно улыбаясь. Стук ее каблучков еще долгое время не выходил у меня из головы, как и она сама.

Выйдя на улицу, я с облегчением выдохнула. Холодный воздух действовал отрезвляюще. Теперь уже все, про-

изошедшее сегодня, казалось нелепым стечением обстоятельств. Я шла по улице без точного назначения, оттягивая момент возвращения домой и неизбежные расспросы Марты. Выдерживать жизнелюбие подруги можно было долго, но, по правде сказать, сейчас мне был нужен кто-то, кто смог бы меня понять, и я вспомнила Виктора.

Надо же, когда-то Виктор был одним из немногих понимающих меня людей. И когда тяжесть взаимных притязаний стала настолько невыносимой, что перевесила чашу весов? Теперь, вместо совместного ужина была работа. На смену страстных ночей пришел крепкий сон. Место понимания заняли упреки, а любви – нескончаемое мучительное одиночество.

Мысли об этом настолько завладели мной, что, переходя через дорогу, я чуть было не попала под колеса новенькой иномарки. Машина затормозила в метре от меня. Молодая девушка вцепилась в руль, не в силах как-либо реагировать. Позади нее собралась очередь. Водители раздраженно сигналили. Я стояла, как вкопанная, и смотрела на испуганную девушку, осознавая, что секунду назад могла серьезно пострадать. Почему-то при мысли об этом, во мне не дрогнул ни один мускул. Опомившись, я извинилась и поспешила прочь с проезжей части. Почти в самом центре города, среди спящих людей и машин, я брела без четкого назначения. Вскоре мне стало холодно и я, натянув повыше шарф, направилась домой.

Марта, которая освободилась сегодня раньше, бегала из комнаты в комнату в поисках то расчески, то косметички.

– Мы сегодня куда-то идем? – спросила я, стоя в дверях.

– Да, я не успела тебе позвонить, – щебетала она, подлетев ко мне и крепко обняв. – Я не хотела тебя отвлекать от работы. Сегодня приезжает Лия, совсем вылетело из головы. Собирайся.

Лия была нашей подругой, точнее, школьной подругой Марты. Мы же познакомились примерно во времена учебы в университете. Потом она уехала жить за границу с кем-то из своих многочисленных ухажеров. Там построила, по ее словам, неплохую карьеру то ли актрисы, то ли модели. Сегодня она внезапно прилетала из солнечного Майями, и это могло значить только одно – американец сказал «goodbay».

– Кстати, у меня есть хорошие новости, – послышался голос Марты из другой комнаты, – расскажу уже всем, на месте.

Мы приехали в одно местечко, где по вечерам играла хорошая музыка, подавали вкусную еду, и атмосфера располагала к долгим беседам за бокалом вина. Большие стеклянные люстры разбрасывали мягкий свет на маленькие квадратные белые столики, стоящие вдоль стены. Барная стойка величественно возвышалась в самом центре ресторана. Лия задерживалась, и мы, в ожидании подруги, принялись вспоминать былые времена.

Наконец, спустя два бокала Пино Гриджио, послышался

звонкий голос Лии:

– Девочки, как же я соскучилась! Она грациозно впорхнула в ресторан в серо-голубом двубортном пальто, небрежно повязанном на талии, цокая каблуками по белой плитке. Лия подбежала к нам и манерно наклонилась к каждой из нас по очереди, едва касаясь щекой и издавая характерный звук поцелуя.

После салатов и опустошенной бутылки вина, мы-таки приблизились к сути визита подруги.

– Он оказался невыносимым, – говорила Лия. – Жуткий ревнивец! Я не выдержала и сказала ему: «Катись ко всем чертям! Я уезжаю домой!»

– А он что? — вдохновенная решительностью подруги, спрашивала Марта.

– Что он? – рассмеялась Лия. – Просил остаться. Говорил, что все будет по-другому. Но я, – она подняла вверх наманикюренный пальчик, – я на это не куплюсь. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее не на того мужчину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.